

Н. М. Чаиркина

МОДЕЛИ ОСВОЕНИЯ ВМЕЩАЮЩЕГО ЛАНДШАФТА В МЕЗОЛИТЕ — РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ ЗАУРАЛЬЯ (по материалам торфяниковых памятников)*

*Ландшафт и локализация
торфяниковых памятников*

В Зауралье известно около 60 торфяниковых памятников эпохи мезолита — раннего железного века. Методика их поиска в целом хорошо отработана, но, в силу ряда причин, пока не завершено обследование даже перспективных заболоченных территорий, на которых можно прогнозировать обнаружение новых памятников. Разная степень археологической исследованности региона не дает нам объективной информации для анализа их пространственной локализации на территории Зауралья. Однако торфяниковые памятники являются не только археологическими, но и своеобразными природными объектами, условия и время формирования которых определены физико-географическими особенностями региона и природно-климатическими характеристиками разных периодов голоцена. На их вероятностную локализацию довольно определенно указывает наличие благоприятных или неблагоприятных факторов болото- и торфообразования, анализ которых дает основание предполагать неравномерное территориальное распределение торфяниковых памятников в регионе. Так, условия для торфообразования неблагоприятны в юго-западной части Зауралья, расположенной на возвышенном плато с холмисто-равнинным и горно-холмистым рельефом. В северной, горной, части Зауралья месторождения встречаются только в горных долинах, межуальных понижениях и по долинам рек. Не очень благоприятны условия для торфообразования и в юго-восточном Зауралье, на возвышенной части Западно-Сибирской равнины, где небольшие болотные массивы низинного типа

приурочены к понижениям на водоразделах, провальнo-суффозионным котловинам и поймам рек.

Высокая степень заболоченности и наиболее благоприятные условия для торфообразования наблюдаются на восточном склоне Уральского хребта в пределах Среднего Зауралья — подгорной равнины, расположенной в области увалисто-холмистого и плоскоравнинного рельефа. Эта территория дренируется глубоко врезанными долинами рек Тагила, Нейвы, Режа, верхним течением Пышмы, Исети и их притоками. Месторождения торфа образовались при заболачивании озер и отрицательных форм рельефа. На этой территории сейчас известно 48 археологических памятников, которые и являются объектом предлагаемого исследования.¹

*Хронология. Ландшафт и природная среда.
Модель расселения*

Торфяниковые памятники Среднего Зауралья располагаются на озерах и палеоозерах, на берегах и островах которых зафиксированы постоянные и временные места обитания, могильники и ритуальные площадки разных археологических эпох. Наиболее интенсивно осваивались «удобные» береговые площадки и их прибрежные участки. Геоморфология первых в течение голоцена существенно не менялась; вторых — значительно видоизменялась, что было обусловлено как общими, так и региональными изменениями климата, влиявшими на гидрологическую сеть и ландшафтную ситуацию.

Среди известных торфяниковых памятников Зауралья самые ранние датируются мезолитом, располагаются на прибрежных участках береговых поселений. Культурные слои этого времени (Кокшаровская I, Кокшаровско-Запроточная VI, Кокшаровско-Юрьинская I, II и III, Береговая I и II) сформировались в бореальный период в условиях сравнительно прохладного и сухого климата, в VIII–VII тыс. до н. э.

Чаиркина Наталья Михайловна — к.и.н., заведующая сектором каменного века и археологического источниковедения Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: Chair_n@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «VI Разрез Горбуновского торфяника: сакральное и быденное пространство» (№ 10-01-00216а)

¹ См.: Чаиркина Н. М. Торфяниковые памятники Зауралья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4. С. 85–92.

Культурные слои эпохи неолита (Шувакиш VIII-Г, Вашты VI-А, Кокшарово I, Кокшаровская VII, Кокшаровско-Юрьинская I и II, Юрьинская, Шигирский Исток I, Шигирское А, Варга-2, Стрелка, Береговая II, Язевская I и II, Шигирское городище, Шигирское городище I, Анин Остров и Анин Остров II) отложились в атлантический период, характеризующийся иными климатическими условиями, в VI–IV тыс. до н. э.² Только один из них — Стрелка — располагается в котловинной заторфованной части Горбуновского торфяника, остальные — на прибрежных участках береговых поселений.

Мезолитические и неолитические слои в исследованных памятниках зафиксированы в минеральном грунте или сапропеле, которые только в более поздние эпохи были перекрыты торфом. Иными словами, ныне заторфованные части этих памятников представляли собой прибрежные незатопленные участки (формировались *in situ* слои в минеральном грунте) или были покрыты водами озера (слои располагаются в сапропеле). Во втором случае формируются слои с преднамеренно выброшенными или случайно затонувшими вещами, глубина и стратиграфия расположения которых не всегда определены возрастом их погружения: они часто зависят от физических параметров (размер, форма, вес) затонувших предметов и от характера вмещающего слоя.

Интенсивное обмеление, заболачивание водоемов и торфообразование в Зауралье происходило в позднем атлантическом и на его контакте с суббореальным периодом (середина (первая половина) IV — середина (третья четверть) III тыс. до н. э.). Эти процессы на ряде зауральских торфяников соответствуют верхним слоям сапропеля и нижней части торфа, где, как правило, залегают слои эпохи энеолита (Половинное Озеро I, Молтаево II, Шувакиш I, Разбойничий Остров, VI Разрез

Горбуновского торфяника и др.). Происходило постепенное нарастание темпов торфообразования, перекрытие и «консервация» торфом прибрежных участков, смещение границ «береговая линия–заболоченная часть–озеро». Спорово-пыльцевые спектры начала суббореального периода отмечены резким повышением содержания пыльцы сосны, уменьшением — ели, исчезновением пыльцы широколиственных пород, что соответствует похолоданию и уменьшению влажности. Темпы торфонакопления замедляются.³ В этот период в последней трети III — начале II тыс. до н. э. отложились слои раннего бронзового века (Шувакиш XI-Д, Вашты VI-А, Разбойничий Остров, Кокшаровско-Юрьинская I, VI Разрез Горбуновского торфяника, Шигирский Исток I, Шигирское городище, оз. Мелкое). Неоднородность климатической ситуации и разные темпы торфообразования привели к тому, что культурные слои энеолита и ранней бронзы на разных или одном палеозере могут иметь разную стратиграфию: они могут располагаться в верхней части сапропеля, на его границе с торфом или в нижней части торфа.

В это время практически все прибрежные участки палеозер и площадки, расположенные под береговыми памятниками, начинают активно заболачиваться. Их освоение и использование теперь связано с реорганизацией жилого пространства — с устройством производственных площадок и с сооружением гатей, ведущих к открытой воде, остатки которых зафиксированы недалеко от кромки коренного берега на поселении Шигирское А и на стоянке Разбойничий Остров.⁴ Свайные постройки, подобные западноевропейским, на прибрежных участках поселений в Зауралье пока не обнаружены. По мере зарастания водоема менялась граница озера, вслед за ней сдвигалась линия настилов. Чем дальше кромка коренного берега отстоит от акватории водоема,

² См.: Сериков Ю. Б. Новые торфяниковые памятники Кокшаровского торфяника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2007. Вып. 5. С. 99–114; Жилин М. Г., Савченко С. Н. Результаты археологической разведки на Горбуновском торфянике // Древности Горбуновского торфяника. Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2010. Вып. 6. С. 169–181; Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии. М., 1977; Панова Н. К., Антипина Т. Г. Динамика растительности и природных условий по данным палинологического и ботанического анализа // Варга-2: Раннеэнеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). Екатеринбург, 2007. С. 27–34.

³ См.: Панова Н. К. Палинологическое исследование Карасьеозерского торфяника на Среднем Урале // Исследование лесов Урала: материалы науч. чтений, посвящ. памяти В. П. Колесникова. Екатеринбург, 1997. С. 28–31; Археологическое исследование торфомассива Водяное-Глухое / Н. М. Чаиркина [и др.] // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 54–76; Чаиркина Н. М. Указ. соч. С. 85–92.

⁴ См.: Погорелов С. Н. Исследования торфяниковых памятников на восточном склоне Среднего Урала // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 80, 81; Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005. С. 119–130.

тем больше вероятность «сужения» производственной прибрежной площадки до своеобразного «коридора» — тропы, настила, гати.

Несколько иная модель освоения жизненного пространства заболоченных участков поселений наблюдалась, вероятно, в бронзовом веке, во II тыс. до н. э. (VI Разрез и VIII Разрез Горбуновского торфяника, Кокшаровско-Запроточная VI, Кокшаровско-Юрьинская I и II, Юрьинская стоянка, Шигирский Исток I и Шигирское городище), а также в железном веке, в I тыс. до н. э. (верхние горизонты VI Разреза Горбуновского торфяника и Шигирского городища, Шигирский Исток I, Скворцовская Гора II, Вашты VI-A, Кокшаровско-Юрьинская I). В формировании культурных слоев этих памятников есть своя специфика. Они зафиксированы только в торфе, мощность которого на тот момент была довольно велика; отложились в суббореальный период, когда на зауральских торфяниках формируются так называемые пограничные горизонты, маркирующиеся скоплением большого количества крупных стволов и пней, связанных с пересыханием и зарастанием болот. В этих условиях были возможны разные варианты освоения жизненного пространства заболоченных территорий. Заторфованные площадки под береговыми памятниками были относительно сухими и «проходимыми». Вероятно отпала необходимость сооружения на них настилов и гатей, актуальность которых возрастает в приозерной заболоченной полосе. Производственные площадки удаляются от берегового базового поселения, смещаясь к акватории водоема. Они зафиксированы в котловинной, ныне заторфованной части Горбуновского торфяника (Дальний разрез, Дальний разрез А, Дальний разрез Б, Новый разрез, Новый разрез А, Новый разрез Б, Поперечный разрез, IV Разрез, IVA Разрез, V Разрез, VII Разрез, VIII Разрез), видимо, присутствовали и на Шигирском торфянике.

Иная модель расселения, которая начала практиковаться еще в энеолите, связана с перемещением базового поселения на береговую площадку с более удобным или открытым доступом к водоему, не требующим строительства специальных сооружений.

Адаптация социумов к изменению природно-климатической обстановки, осмысление нового качества водоемов в энеолите — бронзовом веке, вероятно, проявились и в появлении новых элементов ритуальной обрядности,

культовых мест, расположенных в труднодоступных частях заболоченных озер (VI Разрез Горбуновского торфяника).

Социальные системы.

Производственная и культовая практика

Прибрежные участки — структурная часть базовых поселений — многофункциональны. Они являлись коммуникационными системами и производственными площадками; по ним осуществлялся выход к открытой воде и ее получение; возможно, на них были локализованы культовые комплексы. Так, на всех памятниках обнаружены обломки глиняных сосудов; на Шигирском городище, на поселениях Шигирское А, Шувакиш I, на стоянках Кокшаровско-Юрьинская, Вашты VI-A, на Разбойничьем Острове и др. найдена деревянная посуда, представленная ложками-ковшиками, ковшками-черпаками, черпаками-дуршлагами, берестяными емкостями (рис. 1, 5).⁵

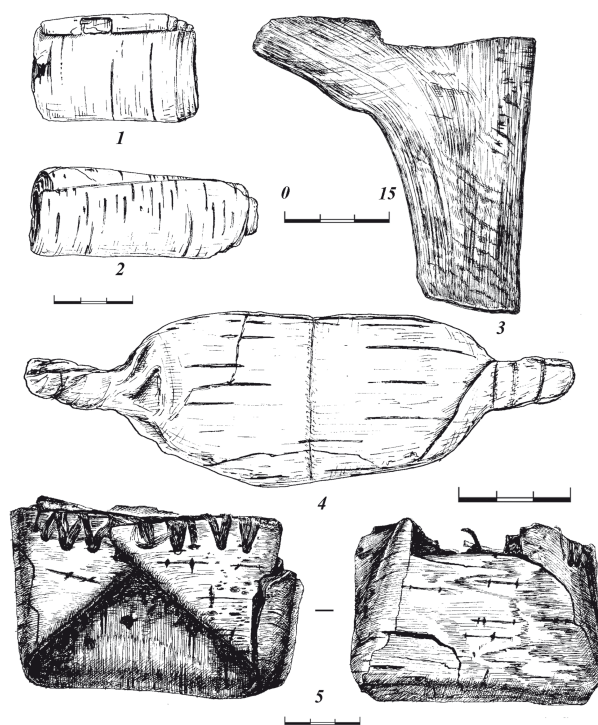

Рис. 1. Деревянные изделия:

- 1, 2 — берестяные поплавки; 3 — деревянная зооморфная скульптура; 4 — грузило (береста, камень); 5 — берестяной кузовок. Стоянка Разбойничий Остров

⁵ См.: Археологические памятники Шигирского торфяника / Н. М. Чаиркина [и др.]. Екатеринбург, 2001. С. 107; Погорелов С. Н. Деревянная посуда из торфяниковых памятников Среднего Урала // Урал. ист. вестн. Екатеринбург, 2002. № 8. С. 123–141; Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. С. 216–218.

Здесь, вероятно, хранились средства передвижения по воде, о чем свидетельствует обнаружение весел на поселениях Шувакиш I, Шувакиш VI-B, Ельничное I-A, на стоянках Разбойничий Остров, Карасьезерская I-A и II-B и др. (рис. 2).⁶

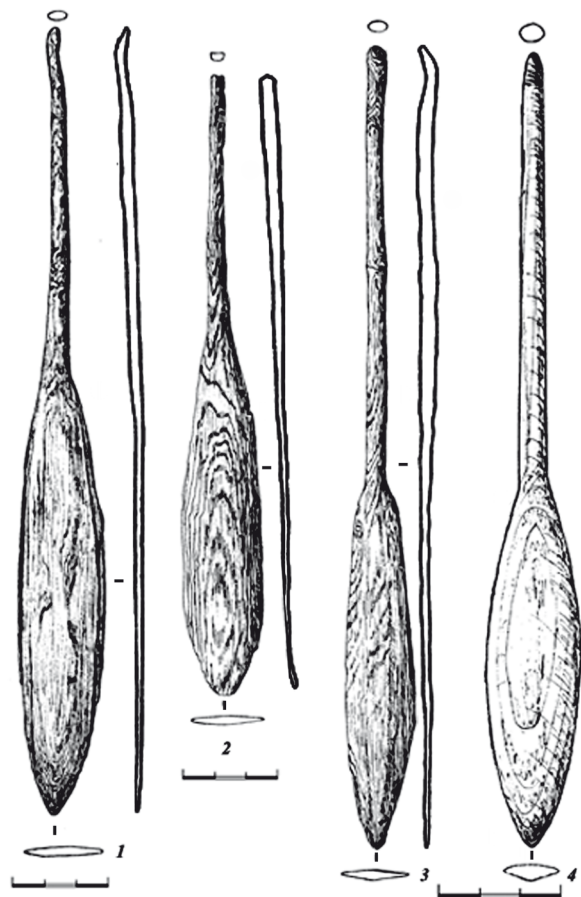

Рис. 2. Деревянные весла:
1–3 — стоянка Разбойничий Остров;
4 — поселение Шувакиш I

Прибрежные участки поселений, прежде всего, являлись производственными, в первую очередь рыболовческими, площадками. Среди промыслового инвентаря памятников эпохи неолита и энеолита преобладают грузила, поплавки, распорки для сетей (рис. 1, 1, 2, 4), найдены также остатки запорных сооружений (Шувакиш I). Топография базового поселения определяла стратегию добычи рыбы. Так, на поселении Шувакиш I, расположенном в истоке реки, обнаружено больше предметов, связанных преимущественно с запорным рыболовством (стволов

деревьев со следами затесов, реек и палочек-полуфабрикатов либо обломков вершей), а также специализированные типы грузил-кибасов и сосновые поплавки. В инвентаре же стоянки Разбойничий Остров, расположенной в заливе озера, у острова, преобладают орудия, связанные преимущественно с сетевым рыболовством: распорки, трубчатые поплавки, специализированные типы грузил (рис. 1, 1, 2, 4).⁷

В меньшей степени на прибрежных участках поселений представлены наконечники стрел, гарпуны, остроги. На всех памятниках найдены обломки деревянных древков стрел. Ряд изделий из органического материала, обнаруженных на прибрежных участках (рейки со следами срезов и заострений, обломки рукоятей, фрагменты дощечек), являлись, вероятно, частями каких-то конструкций. Найдены также обломки стволов деревьев, щепы, отходы деревообработки, кости животных. Орудия из камня немногочисленны.

На береговой и прибрежной части памятников обнаруживают предметы как утилитарного, так и, возможно, ритуального назначения. На береговой части поселения Шувакиш I найден перфорированный диск с изображением рыб, фигурный кремль, каменные подвески, глиняная головка медведя; на прибрежном участке — весло с рисунком, выполненным черной краской. На береговой части стоянки Разбойничий Остров обнаружены обломки сосудов с зоо- и орнитоморфными изображениями; на прибрежной, наряду с бытовым инвентарем, — деревянные скульптуры птиц, лося (рис. 1, 3) и антропоморфа. Можно предположить преднамеренную сакрализацию локальных, социально значимых участков береговых и заболоченных площадок. На прибрежных участках некоторых поселений Западной Европы поздней бронзы — железного века (Forlev Nymolle, Broddenbjerg, Possendorf) обнаружены деревянные антропоморфные скульптуры, часто сопровождаемые скоплением камней, костями животных и фрагментами глиняной посуды, свидетельствующими о жертвоприношениях.⁸

На прибрежных участках поселений и в котловине многих западноевропейских торфяников (Somerset Levels (Англия), Meer-

⁶ См.: Погорелов С. Н. Весла из торфяниковых памятников Среднего Урала // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург, 1998. Вып. 23. С. 234, 235; Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. С. 215, 216.

⁷ См.: Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. С. 231, 232.

⁸ См.: Sanden W. van der, Capelle T. Immortal Images. Ancient antropomorphic wood carvings from northern and northwest Europe. Silkeborg, 2001. P. 78–83.

husener Moor и Wittemoor (Германия)) зафиксированы и так называемые «дороги» (trackways) эпохи неолита — железного века протяженностью до нескольких километров, соединяющие стоянки и поселения, расположенные в разных частях заболоченных водоемов. Рядом с ними найдены потерянные или преднамеренно оставленные вещи, а сакрализация наиболее значимых участков этих сооружений маркирована предельно схематичными антропоморфными скульптурами, выполненными из минимально обработанных стволов деревьев или досок. Первоначально они, вероятно, были установлены вертикально: нижние части заострены, иногда вставлены в отверстия в настилах. Исследователи интерпретируют скульптуры как «божества», «заместители божества», «хранители дороги», которые охраняли ее от «злых духов» и недоброжелателей. А когда она приходила в негодность или надобность в ней отпадала, «хранителя» низвергали и бросали рядом.⁹

В Зауралье и на других торфяниках России пока не зафиксированы дороги-trackways, подобные западноевропейским. В Зауралье найдены настилы и гати, состоящие из ряда параллельно сложенных стволов деревьев, иногда укрепленных вертикально вбитыми кольями, протяженностью не более 10–20 м, проложенные от базового берегового поселения к открытому водоему (Шигирское А, Разбойничий Остров) или располагающиеся в котловинных частях торфяников, удаленных от береговых поселений. Эти настилы и гати могли быть фрагментами дорог-trackways и/или производственными площадками. Они сопровождаются очень малым количеством артефактов, как правило связанных с рыболовством, а также отдельными фрагментами керамики, веслами, кольями и т. д. Единичны находки луков (Шигирский торфяник, IVA Разрез Горбуновского торфяника).

Конструктивно и содержательно иные деревянные сооружения обнаружены на VI Разрезе Горбуновского торфяника. В археологизированном виде некоторые из них представляют собой площадки размером не менее 3 × 5 м, состоящие из стволов деревьев, досок, вертикально вбитых кольев, длина которых порой достигает 4,0 м и более. Другие сооружения — в виде сложных дорожек и настилов — содержат резные скульптурные

изображения (см. цв. вклейку). В энеолите и бронзовом веке, с середины IV тыс. до н. э., такие сооружения использовались как культовые, о чем свидетельствуют сопровождающие их артефакты. Рядом с ними найдены деревянные антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные скульптуры, глиняные тарелки со стилизованными изображениями птиц и таблички с системой знаков, не обнаруженные на других памятниках Зауралья. Возникновение таких святилищ, возможно, связано с поклонением болоту как природному феномену, с промысловыми культами. Явно недостаточен для функционирования памятника в качестве обычного (свайного) поселения, хотя и встречается (см. цв. вклейку), бытовой, утилитарный инвентарь: глиняная посуда, орудия труда из камня, металла и пр. Не исключено, что этот культовый комплекс соединялся системой дорожек-настилов с другими стоянками и поселениями палеозера, о чем есть упоминания в материалах его первых исследователей. По данным М. О. Клера, обследовавшего торфяник в начале XX в., сооружение «мост» (очень напоминающий стлань или гать) с постройками-«балаганчиками» встречено в нескольких разрезах (по современной нумерации — VI, V и IV). Такое сооружение могло достигать длины 430 м.¹⁰ Однако современными исследованиями эта система коммуникаций пока не выявлена.

Практика сооружения святилищ в труднодоступных частях болот известна по материалам Западной Европы, где зафиксированы простые жертвенные места и специальные площадки, обычно покрытые деревом и камнями, сопровождаемые сосудами, костями людей и животных, ветками, кольями, иногда антропоморфными скульптурами (Oberdorf, Skayeving, Uldum Kayer Kvosted Mos, Valmos). По мнению исследователей, магические действия и жертвоприношения на таких площадках были направлены на умиротворение богов, к которым обращались с просьбами о плодородии, плодovitости скота и домашнем благополучии.¹¹

Подобные святилища угорских народов находят целый ряд аналогий в постройках, утвари (серебряные блюда — глиняные тарелки;

⁹ Ibid.

¹⁰ См.: Клер М. О. Заметка о деревянном мосте каменного века в Горбуновском болоте близ Нижне-Тагильского завода // Зап. УОЛЕ. Екатеринбург, 1909. Т. 29. Вып. 1. С. 1–29.

¹¹ См.: Русанова И. П. Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. Черновцы, 2002. С. 49–60.

бронзовые зооморфные изображения — деревянные зооморфные и орнитоморфные скульптуры; деревянные лопаточки и ложкообразные кости птиц — деревянные ложки и ковши и т. д.), антропоморфной деревянной скульптуре VI Разреза Горбуновского торфяника.¹²

В Зауралье, кроме культовых мест, в котловинной заболоченной части палеозер довольно часто обнаруживаются отдельные находки или скопления артефактов, которые, вероятно, попадали в болото (или водную гладь) случайно, были потеряны (костяные наконечники стрел и гарпуны Шигирской коллекции) или помещены преднамеренно и имели особый семантический статус. Вода и болота почитались многими народами. Жертвоприношения, посвященные им, фиксируются в археологических памятниках эпохи неолита — бронзы Западной Европы. В воде находят сосуды, черепки битой посуды, кости человека и животных, металлические изделия. Многие предметы были брошены в воду явно преднамеренно: они найдены вдали от поселений, часто это — разновременные вещи, иногда размещенные в определенном порядке.¹³

У обских угров известны места почитания обитателей водных стихий — озера, речки, омуты, перекаты, места слияния рек. Принесение жертв обитателям водных стихий было одним из проявлений промыслового культа. Существовали территории, почитавшиеся как обиталища таких значимых персонажей, как *Вит-хон* — хозяин вод, рек, озер — и его дочь. При следовании мимо таких мест в воду опускали монеты, другие предметы, выливали спиртное. Проводились и регулярные обряды после ледохода, в августе и октябре, в первой четверти месяца, а кровавая жертва приносилась в августе, в новолуние. На Тавде при строительстве запора приносили жертву «духу — хозяину Оби». На берегу закалывали корову или овцу, кровь которой стекала в воду. Специальными черпаками выливали в воду разбавленное пиво, а затем опускали в реку отлитые изображения рыб.¹⁴

Возможно, к таким культовым «площадкам» можно отнести место обнаружения шигирской скульптуры — антропоморфной головы и так называемого Большого Шигирского идола, изготовленного в эпоху мезолита. Судя по тому, что рядом с ними не зафиксировано никаких сооружений и что количество находок, обнаруженных с ними, невелико, не исключено, что они найдены не там, где были изготовлены и использовались. Подобно ряду западноевропейских антропоморфных скульптур они могли быть установлены на краю озера или болота, на прибрежном участке или специальной культовой площадке. После выполнения своих функций скульптуры, возможно, были преднамеренно погружены в воду или болото.

Социальная адаптация

Формирование торфяниковых памятников Зауралья определено природно-климатическими изменениями разных периодов голоцена, когда складывались благоприятные условия для болото- и торфообразования, происходило заболачивание озер и прибрежных участков поселений, консервация культурных слоев торфяными или сапропелевыми отложениями. Болото- и торфообразование на территории Зауралья началось еще в раннем голоцене, но, вероятно, в бореальном периоде и на протяжении большей части атлантического периода, во время функционирования поселений и стоянок эпохи мезолита и неолита, эти процессы не были повсеместными, а охватывали локальные участки ряда озер. В этот период осваивались береговые, прибрежные площадки и акватория озер, лишь местами подвергшаяся заболачиванию. Формируются традиции расположения мест расселения, поселений, производственных, вероятно, культовых и погребальных объектов в определенных формах рельефа, стратегия выбора которого обусловлена множеством факторов, среди которых «состояние» водного бассейна не было определяющим.

В эпоху энеолита и ранней бронзы в связи с изменившейся природно-климатической ситуацией, приведшей к повсеместному заболачиванию водоемов, меняется стратегия освоения древним населением вмещающего ландшафта. Наряду с прибрежными участками активно осваиваются заторфованные котловины палеозер, на которых прокладываются транспортные коммуникации, обу-

¹² См.: Балалаева О. Е. Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов. (Материалы к атласу). Екатеринбург, 1999. С. 141–151; Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Религия народа манси. Культовые места (XIX — начало XX вв.). Новосибирск, 1986. С. 141–187; Чаиркина Н. М. Тайны торфяников // Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург, 2004. С. 109–143.

¹³ Русанова И. П. Истоки славянского язычества...

¹⁴ См.: Гемуев И. Н., Сагалаев А. М. Указ. соч. С. 101–103.

страиваются производственные площадки, сооружаются святилища. Все это связано с процессами интенсивного заболачивания водоемов и с осмыслением их нового качества. В энеолите, наряду с сохранением традиционных мест расселения, вводится практика переноса базового поселения на другие береговые площадки или иные водоемы с более удобной стратегией освоения. Эта тенденция продолжается в эпоху бронзы и в железном веке, когда нарастают темпы заторфовывания, происходит существенное сокращение водной акватории.

Природно-климатические изменения приводили к регрессии, трансгрессии и заболачиванию уральских водоемов, к вариациям в системе расселения и освоения территории

древним населением, к созданию новых коммуникаций и организации нового жилого, производственного и сакрального пространства. Вмещающий ландшафт, подвергавшийся воздействию человека, во все археологические эпохи в большей или меньшей степени определял необходимость адаптации социумов к происходившим трансформациям. Различные модели такой адаптации вырабатывались социальными системами и были, с одной стороны, определены культурными традициями, с другой — обусловлены эпохальными изменениями климата, приведшими к болото- и торфообразованию, поэтому носили универсальный характер, т. е. встречались у населения разных регионов и разных эпох.

Ключевые слова: *ландшафт, окружающая среда, пространственная локализация и хронология торфяниковых памятников Среднего Зауралья, модель расселения и социальные системы, производственная и культовая практика, социальная адаптация*

Natalia M. Chairkina

Candidate of Historical Sciences

Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *chair_n@mail.ru*

MODELS OF LANDSCAPE CAPACITY CHANGERS IN THE MESOLITHIC — EARLY IRON AGE IN THE TRANS-URAL (based on the peat-bog sites materials)

The evolution of peat-bog sites of the Trans-Ural was conditioned by the natural and climatic changes in various periods of the Holocene. In the boreal period and throughout most of the Atlantic period during the Mesolithic and the Neolithic these processes were not universal. During that period mostly the coastal, near shore areas and only occasionally waterlogged territories were inhabited. During the Eneolithic and the early Bronze Age with the intensification of marsh formation processes the strategy of landscape capacity by the ancient population was gradually changing. Alongside with the coastal areas the population began settling in the peaty paleolakes bowls, where they built transport communications, production facilities and sacred sites. The practice of transfer of a base settlement to another coastal site offering a more convenient development strategy was becoming a common pattern. This trend continued also during the Bronze and the Iron Ages. The encompassing landscape during all archaeological periods determined the need for adaptation of the social groups to the landscape transformations. Various models of such adaptation were developed by social systems and were, on the one hand, dependent on the cultural traditions, and, on the other hand — predetermined by the epoch-making climate changes, and therefore were universal, i.e. were characteristic for populations of different regions and different epochs

Key words: *landscape, environment, spatial localization and chronology of peat bog sites of the Middle Trans-Urals, the settlement patterns and social systems, industrial and cult practice, social adaptation*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Balalaeva O. Ye. *Ocherki istorii traditsionnogo zemlepolzovaniya khantov. (Materialy k atlasu): sb. nauch. tr.* (Essays on the history of the traditional land use Khanty. (Materials for the atlas): collected papers). Ekaterinburg: "Tezis", 1999, pp. 139–156. (in Russ.).

Chairkina N. M. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii* (Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia), 2010, № 4, pp. 85–92. (in Russ.).

- Chairkina N. M. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta, 2005, 314 p. (in Russ.).
- Chairkina N. M. *Kultovye pamyatniki gorno-lesnogo Urala: sb. nauch. tr.* (Religious monuments of the Urals Mining and Forestry: collected papers). Ekaterinburg: UrO RAN, 2004, pp. 109–143. (in Russ.).
- Chairkina N. M., Savchenko S. N., Litvyak A. S., Serikov Yu. B. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, 2001, 198 p. (in Russ.).
- Chairkina N. M., Yerokhin N. G., Panova N. K., Khizhnyak V. A., Pogorelov S. N., Chairkin S. Ye. *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale: sb. nauch. tr.* (Of archaeological research in the Middle Urals: collected papers). Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, Issue 3, 1999, pp. 54–76. (in Russ.).
- Gemuev I. N., Sagalaev A. M. Novosibirsk: Nauka, 192 p. (in Russ.).
- Khotinskiy N. A. Moscow: Nauka, 1977, 197 p. (in Russ.).
- Kler M. O. *Zapiski Uralskogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya: sb. nauch. tr.* (Notes of the Ural society of naturalists: collected papers). Ekaterinburg, Vol. 29, 1909, pp. 1–29. (in Russ.).
- Panova N. K. *Issledovanie lesov Urala: materialy nauchnykh chteniy, posvyashchennykh pamyati V. P. Kolesnikova* (The study of forests of the Urals: materials science readings in memory V. P. Kolesnikov). Ekaterinburg: Izd-vo UrO RAN, 1997, pp. 28–31. (in Russ.).
- Panova N. K., Antipina T. G. *Varga-2: Ranneneoliticheskaya stoyanka v Srednem Zaurale (opyt kompleksnogo analiza): sb. nauch. tr.* (Varga-2: Early Neolithic parking in the Middle Urals (experience in complex analysis): collected papers). Ekaterinburg: Rezhevskoy pechatnyy dom, 2007, pp. 27–34. (in Russ.).
- Pogorelov S. N. *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale: sb. nauch. tr.* (Of archaeological research in the Middle Urals: collected papers). Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, Issue 3, 1999, pp. 77–83. (in Russ.).
- Pogorelov S. N. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* (Ural Historical Journal), Ekaterinburg, 2002, № 8, pp. 123–141. (in Russ.).
- Pogorelov S. N. *Voprosy arkheologii Urala: sb. nauch. tr.* (Problems of archaeology of the Urals: collected papers) Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta, Issue 23, 1998, pp. 234–235. (in Russ.).
- Rusanova I. P. Chernovtsi: "Prut", 2002, 172 p. (in Russ.).
- Sanden W. van der, Capelle T. Silkeborg: Silkeborg Museum, 2001, 101 p. (in English).
- Serikov Yu. B. *Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale: sb. nauch. tr.* (Of archaeological research in the Middle Urals: collected papers). Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, Issue 5, 2007, pp. 99–114. (in Russ.).
- Zhilin M. G., Savchenko S. N. *Drevnosti Gorbunovskogo torfyanika. Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na Srednem Urale: sb. nauch. tr.* (Antiquities Gorbunovsky peatland. Of archaeological research in the Middle Urals: collected papers). Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii, Issue 6, 2010, pp. 169–181. (in Russ.).